

Д. В. и Л. В. Ивановым

24 августа 1925. Рим — Неттуно

<...> Сегодня хотел я выспаться, ибо Мейерхольды за мной заедут, чтобы угощать меня обедом в открытом ими и восхваляемом (между прочим за дешевизну) Passetto, а потом вместе, как подобает просвещенным и любознательным иностранцам, посетить колыбель вечного Города — Палатин. Но пугливая синьора Плачиди разбудила меня до 9 часов набатным стуком в дверь, чтобы detouteurgence вручить мне ваш espresso. <...> Хотя в голове у меня от набата смутно и нудно, достопримечательнейшее по максимальной экспрессивности послание дух мой — и художественностью слога, и удивительным содержанием своим — возвеселило; не будь в нем только слишком явных разоблачений нашей семейной природы <кошачьи ушки над усами> (= ^ ^ =), прочитал бы я его Сверх-режиссеру и его поцелуйной половине, которая тебя любит, — да выдавать страшно генеалогическую тайну. <...> Вместе со вчерашней открыткой получил я и открытку в 40 000 букв (филологи пишут мелко и густо) от Фаддея Францевича Зелинского из Унтер-Шондорфа в Германии. <...>

В Хатке был парад, открыты салоны, давали чай, сэндвичи, торты, мороженое. Москвичи-экскурсионисты очень меня приветствовали. Керженцев говорил речь, желал развития образовательных экскурсий в Италию, приветствуемых и здешним Министерством Иностр<анных> Дел. Потом все должны были показывать свои accomplishments. Пела какая-то певица и певец Лесной, приятель Н. П. Ульянова<...>. Играли Протопопов, ученик Яворского, и сам Яворский, о тебе расспрашивавший (он уже знал о твоём концерте, Респиги хвалил, а на мое замечание, что он хороший учитель, но часто отсутствует, возразил, что это и хорошо, — если отсутствует, значит — хороший музыкант!). Я прочитал переводы сонета о простуженном коте и надписи к «Ночи» в честь экскурсантов, вчера видевших Сикстинскую капеллу, а завтра имеющих увидеть «Ночь»: это чтение

имело огромный успех, пришлось кстати, и меценатствующие наши Бубусы были мною довольны. Потом сам Бубус (Сверх-режиссер), отказавшись прочесть что-нибудь из своих старых ролей, произнес длинную речь о предстоящих постановках «Кармен», «Ревизора», «Гамлета» и «Цыган», рассказывая подробно свои замыслы. Я должен был служить переводчиком на итальянский язык, и мне пришлось изложить по-итальянски целую лекцию. — «Оценили ли вы, Платон Михайлович, как дипломат и советский деятель, что я в начале сказал присутствующим: *compagni?*» — О, да! кивает коварному царедворцу («прохвост!» скажет Его Тов<арищеское> Вел<ичество>) с довольной улыбкой нунций Антихриста... А скептический консул, Рембелинский, оказавшийся экспрометистом, встал и продекламировал:

Прияла много перемен
В стране Советской сцена,
И Мейерхольд возвел Кармен
На пост Наркомвоена.

О политике за весь вечер ни слова. Разве только один итальянец депутат и коммунист сказал в пустой речи, что «мы» любим реалистическое искусство как в театре, так и политике. Интернационала не было.

Были даны мне разные поручения к Муратову, коего Совсоотечественники не хотят отдавать эмиграции и убеждают приехать. Обо мне бесчисленные расспросы и также уговоры возвращаться. Проф. Дживелегов спрашивает, не желаю ли я кафедры в моск<овском> университете. <...>

